

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Новое слово в ориенталистике

Дампилова Л. С. Духовно-культурные коды в поэзии монгольских народов: монография. Иркутск: Оттиск, 2016. 244 с.

В своем недавно вышедшем фундаментальном исследовании бурятский литературовед Л. С. Дампилова предприняла попытку добавить в полифонию мировой культуры — этого музыкального оркестра, если вспомнить образное сравнение Г. Д. Гачева, звуки монгольского «моринхура» — символа и этнокультурного кода кочевых народов Центральной Азии.

Работу отличает новаторский подход, выразившийся в первую очередь в коррекциях геокультурного, даже географического порядка. С самого начала автор распарывает «швы» советской «смирительной рубашки», идентифицирующей бурятский народ, и поверх географических координат «сшивает» новую этнокультурную общность, вбирающую в себя бурят, монголов и «внутренних монголов» КНР. Вся дальнейшая научно-исследовательская работа Л. С. Дампиловой связана с «идентификацией идентичности», основанной на выявлении единого метакода для всех названных близкородственных кочевых этноколлективов.

Л. С. Дампилова — один из таких авторов, бурятка по национальности, получившая в свое время превосходное образование в Иркутском университете и избравшая своим профессиональным кредо и научной миссией определение онтологического метакода собственной этнокультуры через анализ наиболее репрезентативных произведений монгольских поэтов. Для выполнения такой работы, как было отмечено выше, в первую очередь, требовалось уточнение реальных географических координат «монгольского духовного космоса», потому сама исследовательница с внутренним кодом «кочевницы» совершает множество научных экспедиций в самые отдаленные аймаки Бурятии, Монголии и «китайской Монголии», по крупницам собирая «подкоды» — элементарные частицы единого метакода монгольского бытия.

Своей принципиально распахнутой, «движущейся» методологией работы ее автор отрицает стиль «кабинетного ученого», заменяя «помещение» открытым космосом и метафизикой бытия. Отсюда в ее работе ощущение космической всеохватности: автор внимателен к астральным знакам, зооморфной и вегетативной символике, звуковому символизму, религиозной картине мира, предметно-материальной культуре кочевников.

Впечатляет объем привлеченного поэтического мегатекста — от древнейших фольклорно-шаманских песнопений до творений современных монгольских постмодернистов. Автором виртуозно решается двуединая задача — показать творческую индивидуальность каждого поэта и в то же время выявить и собрать воедино те надындивидуальные черточки, которые характеризуют монгольскую поэзию как целостное литературное явление. Вот ключевые имена, определяющие «поэтический транзит» монгольских народов во времени и

пространстве: С. Ангабаев, А. Ангархаев, Б. Аюшеев, А. Бадаев, Я. Бадамсурен, Б. Баттулги, З. Буянбат, Б. Галсансукх, Н. Дамдинов, Д. Доржиева, Б. Дугаров, М. Кенин-Лопсан, Д. Кугультинов, Н. Ленхобоева-Артугаева, Д. Нацагдорж, Н. Нимбуев, Д. Нямсурэн, Д. Очиров, Д. Равжа, Г. Раднаева, Л. Тапхаев, Д. Улзытуев, Р. Ханинова, Н. Цымжид, Г. Чимитов, Э. Эльдышев, Б. Явуухулан и др.

Важно, что автор исследует культурогенез и поэтический космос своего народа как самостоятельную данность и ценность без постоянных отсылок к европейской художественной аксиологии. Как знак особой академической культуры следует отметить «тройное внимание» автора к оригиналу, подстрочнику и художественному переводу текстов, — внимание, позволяющее не расплескать дух подлинника.

Как показывает Л. С. Дампилова, для мира кочевников с их постоянным движением в пространстве колоссальное значение имеет код памяти с «остановками внимания». Доминанта пространственного перемещения, частая смена мест обитания по особой компенсаторной логике обостряет внимание к устойчивым «знакам-крючкам», которые способны удержать тонкую материю исторической памяти. Это обязательное знание имен предков не просто до седьмого колена, но до небесных тотемных корней; это вертикальные объекты среди бесконечной степной горизонтали (дерево, холм, скала, столб, коновязь); это цветовые маркеры памяти (яркость тюльпанов, излюбленные цветовые решения одежды, войлочной юрты); обонятельные знаки (полынь, чабрец), звуковые — «звук тысячелетнего бубна», пение определенных птиц в определенных географических широтах и т. д. Как точно подмечает Л. С. Дампилова, сам поэтический текст становится «аккумулятором открытого и текучего континуума культурного опыта и культурной памяти» (с. 48). Аккумуляции больше поддаются, как показывает исследовательница, особые «кочевнические жанры» в форме топонимических легенд, философских притч, наказов, заповедей, краткостишай, стихотворений одического типа, способные надежно «законсервировать» «золотой канон» вечных ценностей.

Философия закрепления подмечается автором монографии и на поэтологическом уровне. Функцию «фиксажа» выполняют повторы; амебейные композиции, связывающие воедино природное и социальное; аллитерации; анаграммирование; принцип единоначатия в виде анафоры; «мифы, сжатые до метафор». Совершенно особое место в этом ряду занимают «стихотворения, ставшие песнями», где «цементом» мелодии поэтический текст отливается в монолит.

Начиная с обрядовых текстов, Л. С. Дампилова отслеживает функциональное действие зооморфного кода в национальной поэзии. Дух и прагматика, культурное и прикладное значения синтезированы в уникальных обрядовых стихотворениях и песнях, предназначенных для «приучения коровы к теленку», «овцы — к ягненку, верблюдицы — к верблюжонку» (с. 69). Кажется, только носитель скотоводческой культуры с тысячелетним опытом мог сочинить такие песни-заговоры, песни-заклинания, «работающие» на уровне «магического реализма» через семантически и акустически мотивированные элементы текста, транслирующие информацию от человека к животному. «Теленок-сирота», «Песня для овцы», «Одинокая красная верблюдица», «Коровий рог» — даже на

уровне заголовков ощущается сила зооморфной поэтики в лиро-эпосе кочевников. Интересны и важны авторские интерпретации чисто монгольского, экспрессивнейшего образа «кожемялки», содержащей в себе код драматизма общечеловеческого и национального бытия. В той же мере полновесно рассмотрен в монографии спектр архетипических значений «молока».

Автор работы не ограничивается международными или русскими наименованиями жанров и почти всегда приводит их подлинные названия, непривычные для европейского слуха. К примеру, для обозначения песен-заговоров и песен-заклинаний в монгольской фольклорной традиции используется дефиниция «тойгийн дуу». В той же степени тонко, с учетом фоносемантических нюансов, автор воспроизводит коммуникативные формулы обращения человека к разным животным: овца — тойго-тойго, коза — чуу-чуу, корова — ооуу-ооууу, лошадь — хуры-хуры (с. 93).

Примечательно, что зооморфный код определяет даже некоторые законы стихосложения в монгольской поэтической культуре. В частности, Л. С. Дампилова приводит любопытный пример с «верблюжьим размером» (с. 95), идеально подходящим для сочинения и декларирования текстов во время караванных странствий, духовных паломничеств.

Естественно, первостепенное место в образной системе монгольской поэзии занимает ядерный концепт «конь» наряду с множественными приядерными и периферийными концептами-подкодами, типа «коновязь», «грива», «узденка», «подкова», «грива», «аллюр», «жеребенок», «кобылица», «седло» и др. Из многочисленных примеров, представленных в монографии, приведем лишь один пример: «Слово, как подкова, звенит» (с. 166).

Монографию Л. С. Дампиловой можно назвать настоящим источником знаний о буддийской философии «из первых рук», для которой категории «сатори», «шунья», «чакра», «карма», «нирвана», «дхарма», «бодхисаттва», «инь», «ян» являются органической частью родного языка и одновременно научно-исследовательским инструментарием. Можно отметить высшую степень методологической целесообразности дампиловского исследования, где именно поэтические тексты избраны как самые надежные и ценные источники онтологической информации. В поэтических текстах мы обнаруживаем непосредственное отображение всей суммы представлений древнейших кочевников о месте человека в мироздании.

Из монографии Л. С. Дампиловой следует вывод о том, что для восточных народов поэзия, скрещенная с буддийской философией, больше, чем поэзия. Текст, насыщенный мантрами, молитвенными формулами, заклинаниями, звуковым символизмом, кодовыми знаками, обращается не столько к рациональному сознанию человека, сколько к его бессознательному. Не исключено, что, воздействуя на психический строй человека, он оказывает терапевтическую, просветляющую роль. Недаром отдельные поэтические тексты наделяются знаком сакральности и становятся объектом поклонения.

«Буддийский код в поэзии монгольских народов» — один из самых глубоких и оригинальных разделов монографии, где автору удается систематизировать основные буддийские откровения, преломленные в поэтических текстах, и объяснить их глубинный смысл, зачастую переводя иррациональное содержа-

ние произведений на язык рациональных понятий, поскольку «смыслы для непосвященных лежат в запредельном мире» (с. 161).

Многие истины в редуцированном виде воспроизводятся не только в современной поэзии монгольских народов, но в мировой художественной культуре в целом. Универсальную притягательность буддийской художественной антропологии Л. С. Дампилова справедливо объясняет отсутствием в ней «эсхатологического напряжения», а также сверхуважением к человеку, способному встать над жизненными обстоятельствами, видеть невидимое, слышать неслышимое.

Отдельную главу Л. С. Дампилова посвятила «постмодернистской» «ветви» монгольской литературы, справедливо принимая в расчет, что любая, даже самая традиционная культура имеет свой авангардный полюс, нацеленный на смелые художественные эксперименты, демонстративный разрыв с архаикой, ироничное переосмысление классических текстов. Специфика «монгольского постмодернизма» наиболее полно рассмотрена в монографии на текстовом материале весьма оригинального постсоветского поэта Баатарына Галсансуха — выпускника Литературного института им. М. Горького. Как показывает исследовательница, «протестантский настрой» заявлен молодым автором в эпатажных заголовках сборников — «Столетняя война за обновление поэзии» (2003), «Четыре постмодернистских сезона» (2005), «Советы Богу» (2007) и др. По своему открешиваясь от литературы «люмпен-пастухов», Б. Галсансук насыщает поэтические тексты реалиями современной американской и европейской культуры, интертекстуальными отсылками к русским и зарубежным поэтам, в особенности к И. Бродскому. Но несмотря даже на такую высокую степень сознательной «отчужденности» автора от национальной почвы, в глубинных слоях его творчества, как и других «степных авангардистов», все же сохраняется этногенетический код, не растворимый во времени.

Таково общее содержание монографии Л. С. Дампиловой, сумевшей внести заметный вклад в современную ориенталистику, встроить обстоятельно изученный «космо-психо-логос» азиатских кочевников в систему общепланетарного «мультиверсума».

*З. А. Кучукова,
доктор филологических наук (г. Нальчик)*

Значимое исследование мифологизма в бурятской поэзии

Булгутова И. В. Бурятская философская лирика: мифопоэтические основы и традиции: монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 178 с.

Монография И. В. Булгутовой представляет собой итог многолетнего исследования бурятской поэзии. Пристальное внимание к проблеме функционирования мифосознания в литературе, последовательное изучение мифопоэтики